

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

О «ВОСХОДЯЩЕЙ» И «НИСХОДЯЩЕЙ» СТАДИЯХ ФЕОДАЛИЗМА В РОССИИ

И. В. Кузнецов

Положения, изложенные в статье академика М. В. Нечкиной¹, не являются новыми. Уже в 1954 г. М. В. Нечкина высказала мысль о том, что в России с XVII в. начинается, с одной стороны, стадия «нисходящего» феодализма, означающая его деградацию, а с другой — стадия «подымающегося капитализма»². Тогда она утверждала, что именно с XVII столетия феодальные отношения «становятся не формой, а тормозом поступательного развития производительных сил». «Едва ли я ошибусь,— заявляла М. В. Нечкина,— если предположу, что большинство историков России будет защищать середину XVIII века или вторую его половину, как исковую хронологическую грань, как тот момент, когда феодализм как формация теряет свою прогрессивность...»³. В статье «О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации» М. В. Нечкина защищает свои прежние позиции. Она хотя отчетливо и не говорит о XVII в., как о времени начала «нисходящей» стадии феодализма, но это явствует из текста ее статьи.

Выступивший в дискуссии первым А. М. Сахаров занял, с нашей точки зрения, в основном правильную позицию, чего нельзя сказать о В. А. Голобуцком, который пытается доказать, что «нисходящая» стадия феодализма началась с конца XV — начала XVI столетия. Тот факт, что начальная грань «нисходящей» стадии феодализма передвигается отдельными историками в пределах двух — двух с половиной столетий, говорит о неправильном подходе некоторых из них к решению выдвинутой в ходе дискуссии проблемы.

Исходным моментом и краеугольным теоретическим положением для М. В. Нечкиной является следующая формулировка Ф. Энгельса: «Пока известный способ производства находится в восходящей стадии своего развития, до тех пор ему воздают хвалу даже те, кто остается в убытке от соответствующего ему способа распределения... Более того: пока этот способ производства остается еще общественно-нормальным, до тех пор господствует, в общем, довольство распределением... Лишь когда данный способ производства прошел уже порядочную часть своей нисходящей стадии, когда он наполовину пережил себя, когда условия его существования в большей своей части исчезли и его преемник уже стучится в дверь,— лишь тогда все более возрастающее неравенство распределения представляется несправедливым...»⁴. Следует заметить, что здесь Ф. Энгельс ничего не говорит ни о самой феодальной формации, ни о том, к какому точно периоду он относит начало «нисходящей» стадии капитализма. В этом же суть вопроса.

¹ М. В. Нечкина. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации. «Вопросы истории», 1958, № 7.

² М. В. Нечкина. О двух основных стадиях развития феодальной формации (К постановке вопроса). М. 1954. (На правах рукописи), стр. 50.

³ Там же, стр. 9.

⁴ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг. Госполитиздат. 1948, стр. 139—140.

М. В. Нечкина для характеристики «восходящей» стадии феодализма обращает внимание на первую часть высказывания Ф. Энгельса насчет «довольства распределением». Но надо иметь в виду и то, что Ф. Энгельс, говоря о «восходящей» стадии капитализма, отмечал не только это. Он писал в «Анти-Дюринге»: «Новый способ производства находился еще на первых ступенях своего восходящего развития; он был еще нормальным [правильным], единственно возможным при данных условиях способом производства. А между тем он успел уже породить вопиющие социальные бедствия: скопление бездомного населения в отвратительнейших закоулках больших городов; разрушение всех унаследованных от прошлого связей, патриархального уклада, семьи; ужасающее удлинение рабочего дня...»⁵ и т. д. Поэтому, на наш взгляд, надо брать за основу вторую часть приведенного выше положения Ф. Энгельса, где сказано о «нисходящей» стадии в развитии классовой формации. Возникает вопрос: к какому периоду отнести это положение Ф. Энгельса? По нашему мнению, его следует приурочить к периоду кризиса феодально-крепостнической формации. Эти слова Ф. Энгельса перекликаются с широко известной формулировкой К. Маркса из предисловия «К критике политической экономии», в котором он определяет сущность кризиса классовой формации: «Ни одна общественная формация не погибает раньше, чем разовьются все производительные силы, для которых она дает достаточно простора, и новые более высокие производственные отношения никогда не появляются раньше, чем созреют материальные условия их существования в недрах самого старого общества». К. Маркс подчеркивал, что тогда-то и возникает конфликт между производительными силами и производственными отношениями. «На известной ступени своего развития материальные производительные силы общества приходят в противоречие с существующими производственными отношениями, или — что является только юридическим выражением последних — с отношениями собственности, внутри которых они до сих пор развивались. Из форм развития производительных сил эти отношения превращаются в их оковы. Тогда наступает эпоха социальной революции»⁶.

М. В. Нечкина, исходя из указанной выше формулировки К. Маркса, пишет: «Следовательно, тот период развития формации, когда свойственные ей производственные отношения соответствуют характеру производительных сил, содействуют их поступательному движению, является восходящей стадией общественного развития. Период же формации, когда указанное соответствие нарушается, когда свойственные ей производственные отношения перестают соответствовать характеру развития производительных сил, тормозят их, является нисходящей стадией развития формации»⁷. По нашему мнению, последнее положение относится к периоду кризиса феодальной формации, то есть применительно к России к концу XVIII — началу XIX века. Но в упомянутом уже докладе М. В. Нечкина утверждала, что с XVII в. происходила деградация феодализма, а кризис феодальной формации начался в самом конце XVIII — начале XIX века. Последняя дата не вызывает сомнения, что же касается первой, то в данной статье мы постараемся показать, что она является ошибочной, поскольку деградация, по нашему мнению, представляет собой крайнее проявление кризиса классовой формации.

Страной, которая раньше других перешла к капиталистическому способу производства, была Англия. «В Англии, — писал К. Маркс, — крепостная зависимость исчезла фактически в конце XIV столетия»⁸.

Вместе с Англией по капиталистическому пути шли Нидерланды,

⁵ Там же, стр. 245.

⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. 13. Изд. 2-е, стр. 7.

⁷ М. В. Нечкина. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации, стр. 87.

⁸ К. Маркс. Капитал. Т. I. Госполитиздат. 1955, стр. 721.

Италия, Португалия, частично Франция. В странах, расположенных к востоку от Эльбы, процесс развития феодализма существенно отличался от процесса, происходившего в западных странах. В то время как в Англии великие географические открытия, а также складывание международного рынка вследствие внутреннего развития капитализма (мануфактура) привели к крушению феодальных отношений, на востоке Европы под влиянием указанных внешних факторов и в известной мере внутреннего развития (рост ремесла и появление мануфактур в городе) наступило лишь временное ослабление феодальной зависимости крестьян, за которым последовало, по словам Ф. Энгельса, «второе издание крепостничества»⁹. Ярким примером в этом отношении была Восточная Германия. «Второе издание крепостничества» было здесь результатом развития товарно-денежных отношений внутри и вне страны, и его нельзя назвать «нисходящей» стадией феодализма.

Возникает вопрос: какое влияние оказывало «второе издание крепостничества» на развитие промышленности в Германии? В письме к К. Марксу Ф. Энгельс писал по этому поводу: «Между прочим, всеобщее восстановление крепостного права являлось одной из причин, почему в Германии не могла развиваться промышленность в семнадцатом и восемнадцатом столетиях. Во-первых, обратное разделение труда у цехов, противоположное тому, что в мануфактуре: вместо разделения труда внутри мастерской труд делится между цехами. В Англии тогда последовало переселение промышленности в не знающую цехов деревню, в Германии этому препятствовало превращение сельских жителей и обитателей торговых местечек, занимающихся земледелием, в крепостных. Но от этого погибли в конце концов и сами цехи, как только появилась конкуренция иностранной мануфактуры»¹⁰.

Положение Ф. Энгельса о тормозящей роли крепостничества в отношении развития капиталистической промышленности в городе важно не только для понимания характера экономики Восточной Германии, но и для уяснения особенностей дореформенной мануфактуры в России. Но, говоря о новом усилении крепостничества в странах Восточной Европы, не следует забывать, что оно не могло продолжаться чрезмерно долго. Этот процесс, будучи диалектическим, был двусторонним: с одной стороны, он выражался в развитии крепостнической формации, ее дальнейшем расширении, а с другой — он же подготавливал нарастание элементов, подрывавших эту формацию. Здесь вполне применимы слова Ф. Энгельса, сказанные им в отношении капитализма, о том, что «этот способ производства, в силу собственного своего развития, приближается быстро к точке, где он сам себя делает невозможным»¹¹.

Доказывая, что в XVII и на протяжении большей части XVIII в. в России, как и в Германии, феодальные отношения расширялись, углублялись, являлись господствующими и т. д., мы отнюдь не снимаем вопроса о нарастании в недрах феодально-крепостнической системы новых отношений, разлагавших феодализм. К моменту кризиса феодальной формации последняя исчерпывает все возможности для дальнейшего развития производительных сил, а капиталистические элементы оформляются в особый экономический уклад, обеспечивающий более высокий уровень производительности труда, и на этой основе происходит крушение феодально-крепостнического строя.

Как же обстояло дело на Руси в XV—XVI веках? Особенностью ее развития в это время можно считать то, что здесь не было такого даже временного ослабления феодальных отношений, какое имело место в Померании, Гольштейне и некоторых других частях Германии.

⁹ См. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XXIV, стр. 600—601.

¹⁰ Там же, стр. 600.

¹¹ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 140.

В Русском государстве по мере роста товарно-денежных отношений шел непрерывный процесс усиления крепостничества, при этом на первый план все более и более выдвигалась такая форма эксплуатации крестьян, как отработочная рента. Грамота митрополита Киприана 1391 г. характерна тем, что она фиксирует наличие отработочной ренты в XIV веке. В этом смысле данный документ иллюстрирует положение В. И. Ленина о том, что «отработки держатся едва ли не с начала Руси (землевладельцы кабелили смердов еще во времена «Русской Правды»)»¹².

Процесс усиления феодальной эксплуатации крестьян, которые формально еще не были закрепощены, выражался в ограничении их права на уход от помещика определенными сроками. Судебники Ивана III (1497 г.) и Ивана IV (1550 г.), введение урочных лет в 1581 г., свсы беглых крестьян (указы Бориса Годунова и Василия Шуйского) — вот акты, в которых нашел свое выражение процесс усиления крепостничества. К. Маркс, имея в виду уже XVII в., писал: «...власть дворянства над крестьянами стала быстро усиливаться, и в дальнейшем крепостное состояние постепенно сделалось общим условием их быта»¹³. Соборное уложение 1649 г. подтверждает главный вывод К. Маркса о непрерывном расширении и углублении крепостничества в России. Этот процесс наблюдался как в XV—XVI вв., так и в XVII и на протяжении большей части XVIII столетия. В. И. Ленин указывал, что крепостное право в России «наиболее долго держалось и приняло наиболее грубые формы»¹⁴.

Таким образом, у классиков марксизма-ленинизма имеется ясная и определенная характеристика особенностей развития феодальной формации в Восточной Европе, в том числе и в России, и именно она и должна служить руководящей нитью при анализе конкретного материала по интересующей нас проблеме.

В. А. Голобуцкий относит ленинскую характеристику барщинного хозяйства лишь к периоду «восходящей» стадии феодализма, которая, как он утверждает, продолжалась до XV—XVI веков. «По мнению многих советских исследователей, явное нарушение этих признаков (барщинного хозяйства, указанных В. И. Лениным.— И. К.) началось уже в XVI в., а в отдельных районах даже в конце XV века»¹⁵. Однако названные В. А. Голобуцким ученые писали о развитии товарно-денежных отношений, росте торговли и городов в Русском государстве. Но они ничего не говорили при этом о начале «нисходящей» стадии феодализма. В. И. Ленин считал типичными для барщинного хозяйства: его натуральный, замкнутый характер; наделение непосредственного производителя земель; личную зависимость крестьянина и низкую, рутинную технику¹⁶. Эти четыре признака, как указывал В. И. Ленин, составляли основные черты барщинного хозяйства предреформенной России. Довольно странным поэтому является утверждение В. А. Голобуцкого о том, что уже с XV—XVI вв. в России исчезают признаки барщинного хозяйства.

Аргумент, который приводит В. А. Голобуцкий в обоснование своего вывода о начале «нисходящей» стадии феодальной формации в России в XV—XVI вв., состоит в утверждении, что в указанное время наблюдалось развитие товарно-денежных отношений. Примеры, взятые им, частично относятся к Польше. Но они не дают оснований для каких-то особых выводов не только в отношении Руси, но также и Польши. Б. Д. Греков, С. Д. Сказкин справедливо указывали, что в Польше фео-

¹² В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 170.

¹³ К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч. Т. XI, ч. 1-я, стр. 536.

¹⁴ В. И. Ленин. Соч. Т. 29, стр. 439.

¹⁵ В. А. Голобуцкий. О начале «нисходящей» стадии феодальной формации. «Вопросы истории», 1959, № 9, стр. 124.

¹⁶ См. В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 158—159.

дальние отношения развивались в то время по пути, который был свойствен странам Восточной Европы¹⁷.

Никто, конечно, не будет отрицать факта расширения в XV—XVI вв. рыночных связей на Руси, в частности, роста торговли хлебом. Но это привело тогда не к разрушению барщинного хозяйства, а к его расширению¹⁸. Денежные отношения в этот период стимулировали рост барщинного, крепостного хозяйства в России, Германии, Польше и некоторых других странах. Так что ссылки В. А. Голобуцкого на увеличение торговли и вовлечение в нее феодалов не могут служить обоснованием тезиса о начале «нисходящей» стадии феодализма в России с XV—XVI веков. Малоубедительна и ссылка В. А. Голобуцкого на отдельные факты применения наемного труда в земледелии (например, в хозяйстве новгородского митрополита во второй половине XVI в. или в вотчинах боярина Морозова в XVII веке). Эти единичные примеры ничего не доказывают. Наемный труд в эпизодических проявлениях имел место даже в эпоху рабства. Но от его применения еще очень далеко до формирования капиталистического уклада.

Развитие же торговли, правда, в ограниченных масштабах, привело в XV—XVI вв. не к возникновению капитализма, а к росту крепостничества, о чем свидетельствовали судебники 1497, 1550 гг., указы Бориса Годунова и некоторые другие законодательные акты, а также такие документы, как грамота митрополита Киприана (1391 год). Подобные факты совершенно очевидны. В. А. Голобуцкий, противореча самому себе, вынужден признать их. Вопреки своей собственной схеме он пишет: «Начиная с XVI в. государственное законодательство преследовало цель не только укрепить крепостничество в центре страны, но и распространить его на окраины... потребовались столетия, чтобы распространить крепостнические отношения на окраины государства»¹⁹. Приведенное положение ничего общего не имеет с утверждением В. А. Голобуцкого о начале «нисходящей» стадии феодализма на рубеже XV—XVI веков.

Один из его аргументов сводится к тому, что в украинских городах якобы в XV—XVI вв. уже возникли мануфактуры. Разложение средневекового ремесла и зарождение первых мануфактур В. А. Голобуцкий связывает с процессом увеличения численности внешнеохватных ремесленников, так называемых «партачей», которые, как он пишет, составляли, например, во Львове в середине XVII в. около 40% общего числа всех ремесленников²⁰. В. А. Голобуцкий отмечает растущую зависимость «партачей» от скупщиков, раздававших ремесленникам сырье для работы на дому. «Имеющиеся данные,—утверждает В. А. Голобуцкий,—позволяют заключить, что купцы-предприниматели, организовывавшие в XVI—первой половине XVII в. на капиталистических началах производство разобщенных ремесленников, выступали в качестве мануфактуристов»²¹. Однако примеры с раздачей сырья скупщиками не всегда свидетельствуют о наличии мануфактуры. Известно, что скупщики, которых имеет в виду В. А. Голобуцкий, отрицательно влияли на процесс перерастания ремесла в капиталистическую мануфактуру. На это обстоятельство указал К. Маркс²². Ссылка В. А. Голобуцкого на наличие большого числа внешнеохватных ремесленников и на их эксплуатацию купцами неубедительна ни с фактической, ни с теоретической стороны.

Отсюда ясно, что его утверждение о начале «нисходящей» стадии

¹⁷ Б. Д. Греков. Крестьяне на Руси, Кн. II. М. 1954, стр. 5; С. Д. Сказкин. Основные проблемы так называемого «второго издания крепостничества» в Средней и Восточной Европе. «Вопросы истории», 1958, № 2, стр. 98.

¹⁸ См. Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 53.

¹⁹ В. А. Голобуцкий. Указ. соч., стр. 135.

²⁰ Там же, стр. 131.

²¹ Там же, стр. 133.

²² См. К. Маркс. Капитал. Т. III. Госполитиздат. 1955, стр. 346, 347.

феодализма в России с XV—XVI вв. не обосновано. Оно и не может быть должным образом аргументировано, ибо противоречит действительному ходу исторического развития нашей страны.

Поскольку академик М. В. Нечкина дает более развернутое, чем В. А. Голобуцкий, теоретическое обоснование своей позиции, разбор основных положений ее статьи должен занять главное место в дискуссии. М. В. Нечкина указывает, что ответ на вопрос, когда начинается «нисходящая» стадия феодализма, надо искать в решении проблемы соответствия производственных отношений характеру производительных сил. Производственные отношения в XVII и XVIII вв., по ее мнению, не соответствовали уже характеру производительных сил, а поэтому феодальная формация уже с XVII в. переживала свою «нисходящую» стадию.

«Содействовали ли феодальные производственные отношения поступательному развитию производительных сил? Соответствовали ли они как социальная форма характеру производительных сил? — пишет М. В. Нечкина. — Если да, то они прогрессивны, за ними будущее и они в этом отношении, несомненно, прочны. Если нет, то как бы ни были прочны крепостнические учреждения, защищавшие благополучие помещиков и кажущуюся незыблемость феодально-крепостного строя, последний уже шел под уклон, его внешняя «непоколебимость» все более подтачивалась развитием нового, и в силу этого он уже не «прочен» и не «крепок»²³.

Прежде всего М. В. Нечкина по основному смыслу своей позиции должна бы брать в качестве примера, на наш взгляд, не вторую половину XVIII в. (как она это делает, говоря о времени Екатерины II), когда действительно становится заметным разложение крепостнической формации, а первые десятилетия XVII в., когда, по ее мнению, начинается «нисходящая» стадия феодализма. Далее, не совсем точна ее мысль о том, что если на данном этапе имеется наличие соответствия производственных отношений характеру производительных сил, то это означает, что таким отношениям обеспечено будущее. Напротив, в дальнейшем подобное соответствие может быть и обязательно должно быть нарушено, поскольку речь идет о феодальной и капиталистической формациях.

Затем, говоря о прочности той или другой классовой формации, надо иметь в виду не только общее положение о соответствии производственных отношений характеру производительных сил, но и другие показатели прочности существующего строя, например, соотношение классовых сил и т. п. То, что восстания под руководством Болотникова, Разина и Пугачева были подавлены, свидетельствует о том, что «известный запас прочности» у феодальной формации тогда еще был.

Но главным критерием прочности строя является, конечно, соответствие производственных отношений характеру производительных сил. Если производительные силы еще растут при данном способе производства, значит, он пока еще может обеспечить их развитие. Характеризуя состояние производительных сил в X—XIII вв., М. В. Нечкина пишет: «Феодализм шел вперед в своем хозяйственном укреплении, давал более просторные формы для развития местных производительных сил. Формирование экономической самостоятельности отдельных областей связано с широким распространением и укреплением земледелия, значительным расширением пахотных площадей, некоторым усовершенствованием орудий сельского хозяйства и ремесла, а также со значительным увеличением количества орудий, которыми располагала численно растущая масса крестьян-земледельцев, непосредственных производителей. В это время увеличивалось и число городов...»²⁴.

Таким образом, для «восходящей» стадии феодализма показатели раз-

²³ М. В. Нечкина. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации, стр. 87.

²⁴ Там же, стр. 91.

вития производительных сил М. В. Нечкиной установлены ясно и четко. Но странно, что она не применяет тот же критерий в отношении XVII и XVIII вв., когда, по ее мнению, феодализм развивался уже по «нисходящей» линии. «Изучая вопрос о «нисходящей» стадии феодализма на материале сельского хозяйства, — отмечает она, — также нельзя ограничиться простой констатацией факта развития производительных сил. Установление роста пахотных площадей, применения новых посевных культур или разведения тонкорунных овец само по себе еще не решает вопроса»²⁵.

М. В. Нечкина здесь непоследовательна, и, надо думать, потому, что фактическое положение дела разрушает ее схему. В XVII и XVIII вв. наблюдалось расширение посевных площадей, некоторый рост посевов новых культур и, правда, весьма ограниченные, сдвиги в технике. И вместе с тем в 70—80-х годах XVI в., то есть в период «восходящей» стадии феодализма, налицо был тяжелейший хозяйственный кризис, во время которого подверглись опустошению не только западные окраины Русского государства, но и Замосковье, пришло в запустение много сел и деревень, вследствие чего пашни на больших пространствах заросли лесом²⁶. Позднее же, в XVII в., когда, по мнению М. В. Нечкиной, начинается «нисходящая» стадия феодализма, происходит совершенно обратное: ликвидируется запустение, расширяются посевы, вновь распахиваются поросшие земли, осваиваются новые территории и т. д. Причем все это совершается на базе феодально-крепостного строя, путем полного закрепощения крестьян, роста барщины и т. д.²⁷. Общеизвестно, что в эти годы монастыри, дворяне и бояре усиленно расширяли свою запашку. Увеличивает свое дворцовое хозяйство и царь Алексей Михайлович. Для налаживания дела он поручил управление значительной частью своих вотчин, помимо Дворцового приказа, еще приказу Тайных дел. А. И. Заозерский указывает, что Тайный приказ давал инструкции своим агентам открыто и тайно ссыскивать земли, которые были бы пригодны для хозяйственной эксплуатации²⁸.

Аналогичная картина наблюдалась и в XVIII столетии. «В конце XVII и особенно в начале XVIII века в России продолжалось освоение новых земель, распахивались и заселялись пустоши, расширялось применение трехпольной системы, увеличился ассортимент сельскохозяйственных культур. Отчетливее стала проявляться начавшаяся специализация отдельных экономических районов»²⁹. Во второй половине XVIII в. сельское хозяйство России претерпело новые изменения. В центрально-черноземной полосе и на Украине, в частности, наблюдался значительный рост сельскохозяйственного производства³⁰.

Из всего сказанного следует, что в XVII и на протяжении большей части XVIII в. при господстве крепостнических отношений шло, хотя и медленно (что вообще свойственно феодальной системе), расширение посевных площадей, посевов технических культур, наблюдались кое-какие сдвиги в технике, и, следовательно, в недрах феодализма еще имелась известная отдушина для развития производительных сил в сельском хозяйстве за счет усиления эксплуатации крепостных крестьян. Отказ М. В. Нечкиной рассматривать эти факты вытекает, по-видимому, из того, что они не подтверждают ее основного вывода о начале «нисходящей» стадии феодализма уже в XVII веке.

Какой же критерий предлагает взять М. В. Нечкина для определения

²⁵ Там же, стр. 104.

²⁶ См. Ю. В. Готье. Замосковский край в XVII в. М. 1937; Н. А. Рожков. Сельское хозяйство Московской Руси в XVI веке. М. 1899, и др.

²⁷ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.». М. 1955. Глава первая.

²⁸ А. И. Заозерский. Царская вотчина XVII в. М. 1937, стр. 149.

²⁹ «Очерки истории СССР. Период феодализма. Россия в первой четверти XVIII в. Преобразования Петра I». М. 1954, стр. 44.

³⁰ См. «Очерки истории СССР. XVIII в., вторая половина». М. 1956, стр. 43.

соответствия производственных отношений характеру производительных сил? «Воспроизводство рабочей силы непосредственного производителя является темой, разбор которой дает существенный материал для ответа на поставленный вопрос»³¹, — пишет она. Конечно, без расширенного воспроизводства рабочей силы невозможно развитие производительных сил. Вплоть до XVII в., то есть до начала «нисходящей» стадии феодализма, существовали, по ее мнению, условия для воспроизводства крестьянского хозяйства, а затем под влиянием роста барской запашки и усиления на этой основе крепостнической эксплуатации они исчезают.

«При восходящем феодализме оно (крестьянское хозяйство. — И. К.) могло воспроизводить себя и существовало много веков подряд. В то время оно было органически связано с помещичьим имением, заинтересованным в его сохранении и на нем державшимся. Помещичье имение принимало кое-какие меры для обеспечения простого воспроизводства крестьянского хозяйства. Давая крестьянину надел необходимой величины, оно восстанавливало его хозяйство и в случае стихийных бедствий (посевное зерно от помещика в голодные годы, иногда скот), так как было в этом заинтересовано. Но все стало меняться на стадии нисходящего феодализма, когда подобные меры не могли уже создать условий для возобновления крестьянского хозяйства»³². В эпоху «восходящего» феодализма, пишет М. В. Нечкина, «возможность воспроизводства крестьянского хозяйства давала известный простор для развития его производительных сил... Позже, в годы интенсивного складывания всероссийского рынка, стремясь увеличить производство товарного хлеба, землевладелец усилил эксплуатацию, увеличил рабочий день, собирал недоимки и за прошлые годы «все сполна». В результате создавалась трудность, а подчас и невозможность даже простого воспроизводства крестьянского хозяйства... Лишь многомиллионность крестьянской массы создавала огромные, еще могущие выстоять резервы, воспроизводящие хозяйственную систему в целом. Однако с течением времени процесс шел все дальше, разрушая возможность воспроизводства в самых хозяйственных глубинах. Положение существенно ухудшилось ко второй половине XVIII века»³³.

На самом деле крестьянское хозяйство никогда органически не было связано с феодальным помещьем, только сила внеэкономического принуждения привязывала его к последнему. Исчезновение помещичьего хозяйства было бы экономически выгодно крестьянам, так как избавило бы их от принудительного труда. Достаточно в связи с этим вспомнить, сколько было крестьянских восстаний на Руси еще в период раннего развития феодальной формации. Обстановка характеризовалась тогда такими процессами, как усиление феодальной эксплуатации, захват феодалами общинных земель и борьба крестьянства против этого. Что касается экономической «помощи» помещиков крестьянам, то это была лишь одна из форм закабаления последних. Во время кризиса 70—80-х годов XVI в. произошло массовое разорение крестьян. Писцовые книги того периода пестрят сообщениями о том, что такие-то деревни «пусты совсем», такие-то — наполовину, а остальные — на $\frac{1}{3}$ или $\frac{1}{4}$. Запустение и разорение не только западных окраин, но и Замосковья было столь сильным и длительным, что «пашенные и покосные земли — земли исчезнувших селений поросли лесом, где «в жердь и в кол», а где и в «бревно»³⁴. Во время голода 1601—1603 гг. землевладельцы предпочитали отделаться на какой-то срок от части крестьян, отпуская их «куда глаза глядят», а позднее ловили и вновь кабелили их. Не случайно ведь Борисом Годуновым

³¹ М. В. Нечкина. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях развития феодальной формации, стр. 104.

³² Там же, стр. 108.

³³ Там же, стр. 106.

³⁴ С. Б. Веселовский. Село и деревня в Северо-Восточной Руси XIV—XVI вв. М.-Л. 1936, стр. 145.

в 1603 г. был издан указ о том, что холопы, ушедшие от помещиков: в связи с голодом, могут получить отпускные грамоты помимо воли своих господ. Кроме того, само существование холопов указывало на известную близость некоторых форм феодальной эксплуатации крестьян с рабством.

Надо иметь в виду, что в классовых формациях ни на каких этапах их развития угнетенные массы не могут удовлетворить своих потребностей. «Недопотребление масс есть необходимое условие всех основанных на эксплуатации форм общества...»³⁵, — писал Ф. Энгельс. С точки зрения воспроизводства рабочей силы, по сути дела, наблюдался один и тот же процесс, проходивший сначала раннюю, а затем позднюю ступень своего развития, а именно — расширение крепостничества, развитие его вширь (охват новых районов, увеличение числа крепостных крестьян и т. д.) и вглубь (усиление крепостного гнета).

В XVII—XVIII вв. значительно выросло число зависимых крестьян. По расчетам П. П. Смирнова, численность населения Московского государства равнялась в середине XVII в. около 4,9 млн. душ обоего пола, из них крепостных свыше 4 млн. человек. В 70-х годах XVII в. в России проживало около 6,5 млн. душ, из них тяглых свыше 5,5 млн. душ³⁶. По данным П. И. Лященко, численность крепостного населения до 1796 г. возрастала не только абсолютно, но и относительно. По 3-й ревизии (1762 г.), в России было 7,64 млн. душ крепостных крестьян, или 52,4% всего населения страны. По 5-й ревизии (1796 г.), число крепостных достигло почти 20 млн. человек (55,5% населения). И лишь в XIX в. количество крепостных крестьян в абсолютных цифрах хотя и увеличивается, но очень медленно, в то время как доля их в составе населения страны неуклонно сокращается. По данным 7-й ревизии (1815 г.), крепостных было 20,8 млн. человек (46,2%), а в 1859 г., по 10-й ревизии, — 22,7 млн. человек, или 30,7% населения страны³⁷.

Число крепостных мужского пола непосредственно перед реформой 1861 г. уменьшилось даже и абсолютно: по данным 9-й ревизии (1851 г.), их было 10 708 856 душ, а по 10-й ревизии (1859 г.), — 10 696 139 душ³⁸.

Следовательно, можно считать, что нарушение простого воспроизводства крепостной рабочей силы относится к периоду кризиса крепостного хозяйства, когда развившееся помещичье производство хлеба на рынок сильно подорвало крестьянское хозяйство. Этим объясняется медленный рост крепостного населения в середине XIX в. и падение его удельного веса в составе населения России. Полемизируя с П. Струве, стремившимся объяснить рассматриваемое явление действием закона Мальтуса, В. И. Ленин писал, что «медленный рост населения всего более зависел от того усиления эксплуатации крестьянского труда, которое произошло вследствие роста товарного производства в помещичьих хозяйствах вследствие того, что они стали употреблять барщинный труд на производство хлеба для продажи, а не на свои только потребности»³⁹.

Учитывая экономические факторы, не следует забывать и о политических. Нам кажется, что нельзя правильно понять и оценить политику первых царей из династии Романовых, Петра I и даже Екатерины II, если считать, что в России того времени наблюдался упадок крепостного хозяйства.

Одним из моментов, который, по мнению М. В. Нечкиной, указывал на начало «нисходящей» стадии феодализма с XVII в., является образование всероссийского рынка. В связи с этим встает вопрос о влиянии

³⁵ Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 271.

³⁶ «Русская история в очерках и статьях». Под ред. проф. М. В. Довнар-Запольского. Т. II. М. Б. г., стр. 68.

³⁷ П. И. Лященко. История народного хозяйства СССР. Т. I. М. 1939, стр. 232.

³⁸ В. И. Семевский. Крестьянский вопрос в XVIII в. и первой половине XIX в. Т. II. СПб. 1888, стр. 570.

³⁹ В. И. Ленин. Соч. Т. I, стр. 438—439.

процесса складывания последнего на крепостное хозяйство. В. И. Ленин, касаясь перемен, происходивших в России в XVII в., писал: «Только новый период русской истории (примерно с 17 века) характеризуется действительно фактическим слиянием всех... областей, земель и княжеств в одно целое. Слияние это... вызывалось усиливающимся обменом между областями, постепенно растущим товарным обращением, концентрированием небольших местных рынков в один всероссийский рынок. Так как руководителями и хозяевами этого процесса были капиталисты-купцы, то создание этих национальных связей было ничем иным, как созданием связей буржуазных»⁴⁰.

По нашему мнению, нет никаких оснований приведенное высказывание В. И. Ленина трактовать в том смысле, что с XVII в. начинается «нисходящая» стадия феодализма. Совершенно ясно, что В. И. Ленин говорит о новом периоде русской истории, имея в виду ликвидацию остатков феодальной раздробленности, развитие торговли до масштабов всероссийской, рост буржуазных торговых связей. Появление значительного числа капиталистов-купцов (а не предпринимателей) положило начало процессу первоначального накопления капитала. Поэтому было бы неправильным толковать слова В. И. Ленина о новом периоде русской истории и росте буржуазных связей как указание на то, что уже в XVII в. в России складывается капиталистический уклад. Процесс образования всероссийского рынка вызывал дальнейшее развитие торговли, и на этой основе еще довольно длительное время шло расширение крепостного хозяйства, тогда как разложение его началось гораздо позднее. Торговля в XVII в. стимулировала в России усиление и расширение барщинной эксплуатации, подобно тому как в ряде других стран Восточной Европы под влиянием развивавшихся рыночных отношений происходило «второе издание крепостничества».

В условиях феодализма наряду с купцами торговлю зачастую сосредоточивали в своих руках крупные феодалы (монастыри, епископы, патриархи и даже князья и цари)⁴¹.

Может быть, эти факты свойственны только для XVII в. и свидетельствуют о том, что феодальная формация пошла по «нисходящей» линии и начал складываться уже капиталистический уклад?

Такой вывод был бы неправильным, так как и до этого (в конце XV—XVI в.) цари, князья и феодалы вели значительную торговлю хлебом, вином, пушниной и некоторыми другими товарами⁴². Следовательно, крупные феодалы вели спекулятивную торговлю хлебом, занимались ростовщичеством и т. д., но это в то время еще не разрушало натуральных основ даже их собственного барщинного хозяйства.

Как указывает исследователь хозяйства среднего землевладельца XVII в. Безобразова А. А. Новосельский, материалов о продаже Безобразовым хлеба нет. Это объяснялось тем, что «все эти операции производил сам Безобразов лично, во время своих поездок в Боровскую вотчину»⁴³. Основание для такого утверждения А. А. Новосельский видит в том, что на содержание московского двора у Безобразова уходило в год 350 четвертей (2100 пудов) ржи, тогда как хлеба в вотчинах производилось значительно больше. Характерным для натурального помещичьего хозяйства того времени является тот факт, что, отправляясь на службу на Терек, А. И. Безобразов взял с собою запасы муки, круп, мяса и других продуктов⁴⁴. Следовательно, натуральный характер помещичьего хозяйства в значительной мере продолжал еще сохраняться.

⁴⁰ Там же, стр. 137—138.

⁴¹ См. «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 54.

⁴² См. Б. Д. Греков. Указ. соч., стр. 18, 24 и др.

⁴³ А. А. Новосельский. Вотчинник и его хозяйство в XVII веке. М.-Л. 1929, стр. 159.

⁴⁴ Там же, стр. 158.

О преобладании натурального характера личного хозяйства феодала XVII в. свидетельствуют и документы крупнейшего вотчинника боярина Морозова. С одной стороны, он «ворочал» большими деньгами, продавал десятки тысяч пудов хлеба, поставлял в казну свыше 10 тыс. ведер вина, производил большое количество поташа и т. д. Однако его собственное хозяйство оставалось натуральным. В Москве при доме Морозова жило до 700 человек. «Из расходной книги морозовского дома мы узнаем,— писал В. Г. Гейман,— что хозяевам его не было надобности покупать что-либо для непосредственного содержания как самих себя, так и многочисленной своей дворни. На пропитание не тратилось, за совершенно незначительными исключениями, ни копейки. Как это ярко выявляется из напечатанной вотчинной переписки, все продукты поставляются вотчинными крестьянами»⁴⁵.

Характерна в этом смысле и организация хозяйства царя Алексея Михайловича. Последний понимал, что на основе одних только денежных своих доходов он не в состоянии организовать содержание стрельцкого войска и даже оплату своих приказных и что поэтому необходимо наряду с денежной оплатой обеспечить их натуральное снабжение. В этих целях он значительно расширяет дворцовое хозяйство. Только в ведении Тайного приказа в 1675 г. находилось 18 тыс. десятин пахоты. В том же году было собрано в хозяйствах Тайного и Хлебного приказов за вычетом семян 24 тыс. четвертей (192 тыс. пудов) ржи, 43 тыс. четвертей овса, 3 500 четвертей ячменя, 2 200 четвертей гречи. Хлеб этот шел на содержание стрельцов и служилых людей. А. И. Заозерский приводит факты пожалования царем, например, «на пожарное разорение» некоторой части служилых людей продуктами⁴⁶. Вот почему большую роль играло в XVII в. как дворцовое хозяйство, так и «десятинная» государева пашня.

Было бы неправильным считать, что натуральность помещичьего и особенно крестьянского хозяйства нарушилась чуть ли не полностью в XVII веке. Она сохранялась даже в первой половине XIX в.; товарность помещичьего хозяйства во многих случаях была тогда относительно невелика. Так, в Ракитянских владениях князя Юсупова в 1833 г. из 32 498 четвертей наличного хлеба на продажу предназначалось только 9 654 четверти. Остальной хлеб шел на внутреннее потребление (содержание дворовых, месячников, рабочих мануфактур, прокорм скота, посев и т. д.)⁴⁷. Хлеб из степных вотчин Юсуповых доставлялся на продовольствие дворовых людей и рабочих мануфактур, находившихся в Москве и в ее пригородах⁴⁸.

Процесс складывания всероссийского рынка в XVII—XVIII вв. привел в связи с ростом потребности в хлебе и других продуктах сельского хозяйства в городах к тому, что помещики стремились на базе сохранения феодально-крепостнической системы расширить барскую запашку и усилить эксплуатацию своих крестьян. На протяжении большей части XVIII в. даже в дворцовом ведомстве шло расширение барщинного хозяйства. Число дворцовых крестьян все время росло: в 1711 г. их было 340 тыс. душ, в 1724 г.— 402 тыс., а в 1762 г.— уже 486 тысяч⁴⁹. Только в 1769 г. за небольшим исключением барщина в дворцовых владениях была заменена оброком, что свидетельствовало о достижении более высокой степени развития товарности сельского хозяйства.

В XVII в. наряду с налогами существовала в пользу царского дво-

⁴⁵ «Хозяйство крупного феодала-крепостника XVII в.». Ч. I, Л. 1933, стр. LXXII.

⁴⁶ А. И. Заозерский. Указ. соч., стр. 17—21, 98—99, 110—111, 193—194.

⁴⁷ А. Н. Насонов. Хозяйство вотчины накануне освобождения крестьян. «Известия Академии наук», 1928, № 77, стр. 359.

⁴⁸ К. В. Сивков. Очерки по истории крепостного хозяйства и крестьянского движения в первой половине XIX века. М. 1951, стр. 71.

⁴⁹ С. И. Волков. Дворцовые крестьяне Подмоскovie во второй четверти XVIII века. «Вопросы истории», 1953, № 9, стр. 111.

ра феодальная повинность в виде запашки так называемой дворцовой десятины. Эта разновидность барщины была отменена только в 60-х годах XVIII века. Барщина в помещичьем хозяйстве XVIII в. преобладала, лишь во второй половине этого столетия и особенно к концу его получил значительное развитие денежный оброк. По данным В. И. Семевского, относящимся к последней четверти XVIII в., в 7 губерниях черноземной полосы на барщине было 74% крестьян, а на оброке — 26%, в 12 губерниях преимущественно Центрального нечерноземного района барщину выполняли 45% крестьян, а платили оброк — 55%⁵⁰. Но и в этом районе были губернии, имевшие высокий процент барщинных крестьян (Московская — 64%, Смоленская — 70%, Псковская — 79%)⁵¹. Развитие денежного оброка свидетельствовало о расшатывании и разложении натуральных основ крепостного помещичьего хозяйства. Его введение стимулировало отход крестьян в города и промышленные центры, где они нанимались работать на капиталистические мануфактуры и фабрики.

Капиталистический уклад начал складываться в промышленности раньше, чем в сельском хозяйстве. Однако в статье М. В. Нечкиной по этому вопросу развиваются, с нашей точки зрения, неправильные взгляды⁵². По производительным силам вотчинную и посессионную мануфактуру, по ее мнению, следует считать капиталистической, а по производственным отношениям — крепостнической. Она указывает, что между этими двумя сторонами в мануфактуре имел место глубокий конфликт, свидетельствующий о начале «нисходящей» стадии феодализма в России и приведший к упадку и гибели вотчинных мануфактур⁵³.

Взгляды М. В. Нечкиной, считающей, что мануфактурное разделение труда как прогрессивное явление технического порядка может само по себе влиять на определение характера мануфактуры, ошибочны. В письме П. В. Анненкову 28 декабря 1846 г. К. Маркс писал: «...вообще бессмысленно делать из машины экономическую категорию наряду с разделением труда, конкуренцией, кредитом и т. д. Машина так же мало является экономической категорией, как бык, который тащит плуг. Современное применение машин есть одно из отношений нашего современного экономического строя, но способ эксплуатации машин — это совсем не то, что сами машины»⁵⁴.

Неверно также думать, что кооперация, в смысле разделения труда, и даже мануфактура совершенно не существовали в период, предшествующий началу капиталистического развития. К. Маркс указывал: «Спорадическое применение кооперации в крупном масштабе в античном мире, в средние века и в современных колониях покоится на отложении непосредственного господства и подчинения, обыкновенно на рабстве»⁵⁵. Ф. Энгельс указывал, что и при рабовладельческом строе существовали мануфактуры и причиной их гибели была экономическая невыгодность рабского труда. «Античное рабство пережило себя, — писал он. — Ни в крупном сельском хозяйстве, ни в городских мануфактурах оно уже не приносило дохода, оправдывавшего затраченный труд, — рынок для его продуктов исчез»⁵⁶. Точно так же обстояло дело

⁵⁰ В. И. Семевский. Крестьяне в царствование императрицы Екатерины II. Т. I. СПб. 1881, стр. 492, 493.

⁵¹ Н. Л. Рубинштейн. Сельское хозяйство России во второй половине XVIII в. М. 1957, стр. 126.

⁵² Мнение автора настоящей статьи по указанному вопросу см. И. В. Кузнецов. К вопросу о характере дореформенной мануфактуры в России. «Вопросы истории», 1956, № 10.

⁵³ М. В. Нечкина. О «восходящей» и «нисходящей» стадиях феодальной формации, стр. 99, 102.

⁵⁴ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения. Т. II. М. 1952, стр. 426.

⁵⁵ К. Маркс. Капитал. Т. I, стр. 341.

⁵⁶ К. Маркс и Ф. Энгельс. Избранные произведения, Т. II, стр. 284.

и с крепостной мануфактурой. В. И. Ленин ясно отделяет ее от капиталистической: «...до 1860-х годов включительно суконное производство имело особую, оригинальную организацию: оно было сосредоточено в сравнительно крупных заведениях, которые однако отнюдь не относились к капиталистической фабричной индустрии, а были основаны на труде крепостных или временно-обязанных крестьян»⁵⁷.

Крепостная мануфактура стала экономически невыгодной в силу успехов и конкуренции капиталистической мануфактуры, которая была основана на более производительном, наемном труде. Техника как на капиталистических, так и на крепостных мануфактурах России была длительное время примерно одной и той же. Труд же на них применялся разный. Крепостной труд был менее производителен, и поэтому мануфактура, основанная на его эксплуатации, была вытеснена капиталистической. Следовательно, не надуманные внутренние противоречия, а конкуренция с капиталистической мануфактурой привела крепостную мануфактуру к гибели.

К производительным силам относится, как известно, не только техника, но и люди. М. В. Нечкина же в своих рассуждениях о производительных силах чаще имеет в виду технику. Если же взять людей, то их сразу же надо ставить в определенные социальные взаимоотношения. Характер эксплуатации рабочих определял собой отличие капиталистической и крепостной мануфактур. Последняя развивалась в XVII в. не потому, что феодальная формация пошла уже по «нисходящей» линии, а скорее наоборот. Она создавалась в силу слабого проявления буржуазных отношений и свидетельствовала о том, что феодальные отношения развивались в то время вширь и вглубь, что они захватывали как новые территории, так и область промышленного производства.

Мануфактуры в России стали складываться в 20—30-х годах XVII столетия. На некоторых из них, тогда немногочисленных, применялся наемный труд. Но рынок наемной рабочей силы был небольшим, и уже с первых шагов существования мануфактур приходилось прибегать к прикреплению к ним крепостных крестьян, работных людей. В 1638 г., например, к мануфактуре Винюса было прикреплено 250 дворов Соломенской волости⁵⁸. При Петре I было создано свыше 200 мануфактур. Об обеспечении их наемной рабочей силой не могло быть и речи. Поэтому крепостной труд стал широко применяться в промышленности. В 1721 г. был издан указ, разрешавший купцам покупать к мануфактурам крепостных крестьян. Возникшая таким путем посессионная мануфактура получила широкое распространение и, по данным многих источников, господствовала вплоть до 1762 года. Но наряду с нею развивалась капиталистическая мануфактура, которая, как экономически более выгодная, прокладывала себе дорогу. По подсчетам академика С. Г. Струмилина, в конце XVIII в. на мануфактурах работало 48% крепостных и 52% вольнонаемных рабочих⁵⁹. К. А. Пажитнов полагает, что в 1804 г. крепостных рабочих было 52,3%, а наемных — 47,7%⁶⁰.

База для использования владельцами посессионных мануфактур крепостного труда сузилась после издания указа 1762 г.⁶¹, запрещавшего владельцам мануфактур недворянского сословия покупать крестьян к фабрикам как с землей, так и без нее. Это привело к увеличению числа вотчинных, дворянских мануфактур, но они не могли

⁵⁷ В. И. Ленин. Соч. Т. 3, стр. 410.

⁵⁸ «Очерки истории СССР. Период феодализма. XVII в.», стр. 121.

⁵⁹ С. Г. Струмилин. История черной металлургии в СССР. Т. I, М. 1954, стр. 363.

⁶⁰ К. Пажитнов. К вопросу о «переломе» в мануфактурной промышленности XVIII века. «Вопросы истории», 1948, № 3, стр. 62.

⁶¹ «Полное собрание законов». Т. XV, № 11490.

держаться долго и вытеснялись неуклонно развивавшимися капиталистическими мануфактурами. В первой половине XIX в. владельцы посессионных мануфактур начали тяготиться крепостным трудом и добились права на замену посессионных рабочих вольнонаемными, труд которых был более производительным.

Следовательно, явления, характерные для «нисходящей» стадии феодализма, и здесь явно обозначаются лишь в эпоху зарождения кризиса крепостнической системы, то есть в конце XVIII—начале XIX века.

Общий вывод, по нашему мнению, состоит в том, что неправильно датировать начало «нисходящей» стадии феодализма в России XVII в. (М. В. Нечкина), а тем более XV—XVI вв. (В. А. Голобуцкий).

Кризису феодализма предшествовал длительный процесс вызревания в его недрах элементов капитализма. Переход к капиталистическому укладу связан с образованием рынка наемного труда. «Наемный труд, в котором скрыт уже в зародыше весь капиталистический способ производства,— писал Ф. Энгельс,— существует с давних времен; в единичной, случайной форме мы встречаем его в течение столетий рядом с рабством. Но скрытый зародыш только тогда мог развиваться в капиталистический способ производства, когда созрели необходимые для него исторические условия»⁶². Отдельные, единичные, спорадические случаи применения наемного труда не создают еще капиталистического уклада и не свидетельствуют о том, что феодальная формация вступила в «нисходящую» стадию своего развития.

Ни в XV, XVI, XVII вв., а также вплоть до 60-х годов XVIII в. и даже позднее в России не сложился еще широкий рынок свободной рабочей силы. Именно поэтому в XVII—XVIII вв. задерживалось развитие капиталистической мануфактуры и получила распространение крепостная мануфактура. Дело несколько изменилось после 1762 г., когда был издан указ, запрещавший покупать к мануфактурам крестьян. С тех пор, а особенно со времени издания закона об отмене приписки крепостных крестьян к заводам, капиталистическая мануфактура сильно шагнула вперед. Во второй половине XVIII в. она по числу рабочих стала догонять, а в первой половине XIX в. перегонять крепостную мануфактуру. С начала XIX в. наемный труд в промышленности уже преобладал. Для этого периода вполне уместно говорить об оформлении капиталистического уклада в недрах крепостничества. Данный момент был переломным в развитии как капитализма, так и феодализма. Капиталистический уклад в промышленности выходит на первое место, а крепостная мануфактура, ставшая экономически невыгодной, теряет свои позиции.

Аналогичная картина складывается и в сельском хозяйстве. Производство в больших размерах хлеба на продажу разложило барщинное помещичье хозяйство, которое исчерпало все свои возможности для дальнейшего развития производительных сил и переживало в конце XVIII—первой половине XIX в. свою «нисходящую» стадию и даже деградировало, чего нельзя сказать еще о нем применительно к XVII и большей части XVIII столетия. Нам кажется, что это давно принятое нашей наукой понимание существа развития феодально-крепостнической формации правильно, и то толкование, которое дают словам Ф. Энгельса о двух стадиях классовой формации (на примере развития феодализма в России) М. В. Нечкина и В. А. Голобуцкий не разъясняет, а усложняет понимание проблемы.

⁶² Ф. Энгельс. Анти-Дюринг, стр. 254 (Примечание).